

Социология управления

Бобровская Е.В.

Мифо-идеологические конструкции в процессе формирования государственной антинаркотической политики в современной России

Бобровская Екатерина Владимировна — специалист по учебно-методической работе кафедры государственной политики, факультет политологии, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: dreaken@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: [9183-6832](https://elibrary.ru/9183-6832)

Аннотация

Статья посвящена характеристике политических мифов, являющихся одним из источников формирования антинаркотической политики в современной России. В работе проанализированы подходы к антинаркотической государственной политике, распространенные в зарубежной науке, проведено сравнение с подходами в российской науке, в результате чего были выявлены общие с зарубежной наукой и специфические черты российской науки относительно исследуемой проблемы. Существенное влияние на видение наркотической проблемы научным сообществом оказывают ценности, распространенные в обществе и транслируемые государством, что находит свое подтверждение как в политике демократических, так и недемократических государств. Соответственно, в данном контексте рассматриваются различные, в том числе и исторические, аспекты отечественного подхода к пониманию целей и смыслов противоборства с наркотической угрозой обществу. В рамках выделения роли мифологических факторов разработки российскими властями современной антинаркотической политики предлагается анализ преимуществ и недостатков данной стратегии, а также раскрываются основные особенности выдвижения и реализации выдвигаемых государством целей. Особое внимание уделяется содержательному анализу политических мифов, используемых в разработке целевых установок государственной антинаркотической политики, описанию их органического единства с общеполитическими мифологическими конструкциями, а также характеристике влияния этих идейно-образных воззрений на процесс принятия государственных решений и на отношение правящих слоев к международному опыту. Проведенный анализ позволяет оценить перспективы развития государственной антинаркотической политики, увидеть возможности ее совершенствования и повышения результативности в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

Ключевые слова

Наркополитика, государственная политика, принятие государственных решений, политические мифы, политическая мифология, идеология, наркотики, нарковойна.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10070

Введение

Одной из основных задач государственной политики является обеспечение безопасности общества и государства. Наркотики на сегодняшний день — это существенная проблема как для отдельных государств, так и для международной безопасности в целом. Соответственно, борьба с наркотиками — это общая задача для любого государства. В условиях глобализации незаконный оборот психотропных

веществ и рост числа наркозависимых стали такой же мировой проблемой, как эпидемия ВИЧ, глобальное потепление и международный терроризм.

Несмотря на то, что борьба с наркотиками насчитывает уже не одно столетие, на сегодняшний день эффективных решений, позволяющих быстро решить эту проблему, не выработано. Наркозависимые люди по-прежнему сталкиваются со страхами, стереотипами и агрессией со стороны общества (наркофобией), а каждое государство имеет дело со своими мифами в сфере наркополитики. В условиях ограниченности ресурсов каждое государство само определяет для себя приоритеты, и нередко интересы уязвимых слоев населения (наркозависимых людей) мало учитываются или не учитываются вовсе, хоть они и являются прямыми адресатами антинаркотической политики. Игнорирование интересов наркозависимых людей является одним из последствий распространенных в обществе политических мифов, основанных на наркофобии. Однако без учета интересов наркопотребителей проблему наркотиков решить невозможно, как показывает многолетний опыт антинаркотической политики многих стран мира.

Сегодня мировое сообщество, включая правительственные организации и науку, продолжает поиск решений, способных разрешить опиоидный кризис и последствия бесконтрольного употребления наркотиков и психотропных препаратов.

Подходы к антинаркотической политике в международной и российской науке

В рамках научных исследований различных направлений предпринимаются попытки изучить факторы, способствующие развитию наркоторговли, вовлечению граждан в прием наркотиков, формированию наркозависимости, а также методы снижения вреда и борьбы с наркотиками и последствиями их приема. Подход академического сообщества находится в зависимости от доминирующих ценностей в международном сообществе. Так, не только низкие показатели эффективности силового подхода в антинаркотической политике, но и возросший спрос на гуманизацию и толерантность к меньшинствам привели к росту научных исследований относительно гуманных методов в антинаркотической политике.

В рамках социальных наук и права исследуются темы дискриминации наркопотребителей и наркозависимых людей, влияние ценностей и политической идеологии на государственную антинаркотическую политику. Но, несмотря на близость тем политических ценностей и идеологии к теме политических мифов, влияние мифов на наркополитику остается мало изученным.

Сама антинаркотическая государственная политика определяется как любое целенаправленное воздействие со стороны государства, направленное на минимизацию или предотвращение употребления наркотиков, а также вреда, связанного с употреблением, как для отдельных лиц, так и для всего общества в целом [Babor et al. 2010, 97]. Наркополитика включает в себя такие компоненты, как уголовно-правовое (контроль за оборотом запрещенных наркотических веществ), социальное (предоставление специфической медицинской помощи наркозависимым людям, в некоторых государствах — предоставление заместительной терапии и программы снижения вреда; социальная адаптация граждан, проходящих лечение от наркотической зависимости) и информационное (предоставление информации гражданам о последствиях приема и о вреде наркотиков, информационные кампании и агитация против наркотиков) направление.

Исследования наркополитики широко представлены в работах зарубежных ученых. Классическими направлениями изучения наркополитики являются медицинское (рассматривающее влияние наркотиков на здоровье человека, развитие химической зависимости, а также оценка эффективности государственной политики в сфере здравоохранения по направлению лечения химической зависимости) [Lewis 1999] и юридическое (рассматривающее правовые аспекты борьбы с наркобизнесом и правовые особенности работы с наркопотребителями, возможности и уязвимости государства в данной сфере) [Tham 2012, 12]. В других областях зарубежной гуманитарной науки исследования наркополитики также представлены. Так, экономисты исследуют финансовые аспекты наркотических циклов между наркопотребителями и наркобизнесом, изучают особенности функционирования данного сектора теневой экономики [Caulkins et al. 2009]. В рамках гендерных исследований внимание уделяется специфике женского опыта наркозависимости [Campos 2016], насколько государственные антинаркотические политики учитывают интересы и потребности наркозависимых женщин [Van der Meulen et al. 2018]. В политологии наркополитика рассматривается в связи с политическим режимом государства, состоянием безопасности и стабильности в регионе, взаимоотношением публичных, полутеневых и теневых факторов в принятии государственных решений [Pentz et al. 2004]. Наряду с исследованиями политических режимов в контексте проблемы наркотиков стоит выделить работы, посвященные влиянию политических мифов на формирование и реализацию наркополитики.

Так, в работе А.Х. Миллера и Н.А. Дамаска концепция наркотерроризма, широко используемая в американской наркополитике при администрациях Рейгана и Буша, описывается исследователями как политический миф. Задачей этого политического мифа была не реальная борьба с наркобизнесом, а мобилизация поддержки политических лидеров и их решений [Miller, Damask 1996]. В статье юриста Э.Е. Стерлинга подчеркивается, что тактика войны с наркотиками базируется на карательных ценностях, которые по своей сути нелогичны, обременяют систему уголовного правосудия и, как показывает практика, неэффективны в снижении вреда, связанного с наркотиками. По мнению автора, сама концепция нарковойны является в большей степени мифо-идеологическим конструктом, прикрывающим репрессивную и неэффективную политику борьбы с наркобизнесом [Sterling 2004, 80]. Ряд исследователей отмечает, что последствия войны с наркотиками приводят к поражению в правах и росту дискриминации наиболее уязвимых слоев населения, в то время как наркоторговцы продолжают извлекать прибыль и скрываться от закона.

Так, Е.А. Валер утверждает, что наиболее пострадавшими от политики войны с наркотиками в США были цветные женщины. На основе статистики и других исследований он делает вывод, что цветных женщин чаще арестовывают и чаще приговаривают к тюремному заключению (26,9% от общего числа обвинительных приговоров женщин), чем мужчин (17,8%) [Wahler 2015, 100]. Таким образом, в зарубежных публикациях распространена позиция, что репрессивная наркополитика, строящаяся на мифах о «внешних и внутренних врагах», способствует усугублению проблемы как наркозависимости, преступности, так и гендерно-расовой дискриминации. Те же последствия запретительной наркополитики наблюдаются и в России: она наиболее эффективно работает не против наркоторговцев, а против наркопотребителей, среди которых самые уязвимые группы — это женщины и мигранты.

В российской науке наркополитика в основном рассматривается в тех же отраслях, что и в зарубежной науке. Так, тема наркотиков и борьбы с ними освещается в рамках правовых дисциплин [Кобец 2016], а проблема наркозависимости исследуется в сфере здравоохранения [Брюн и др. 2017].

Анализ наркополитики осуществляется также в рамках политической науки [Зазулин 2013] и конфликтологии [Серова 2013]. Однако стоит отметить, что в российских публикациях порой присутствует неэтичная лексика по отношению к наркопотребителям, а в отдельных случаях и вовсе транслируются негативные стереотипы и дискриминационные утверждения, например: «[наркопотребительницы

представляют] особую опасность для генофонда страны», «наркомания неизбежно ведет к рождению... детей-уродов» [Силласте 1998, 69], «увеличилось число женщин-переносчиц опасных... заболеваний» [Корсаков 2016, 43], «у женщин-наркоманок часто наблюдается беспорядочность половой жизни; среди них очень высок процент проституток...» [Зотова и др. 2016, 18–19], «нужно возвести всех, кто доказал способность родить здоровых и воспитать достойных (не наркоманов, не преступников, не алкоголиков) граждан России, в ранг приоритетных граждан» [Лексин 2010, 69]. Негативный, местами алармистский тон российских публикаций является одним из отличий от публикаций зарубежных коллег, в которых в большинстве своем наблюдается крен в пользу гуманизации наркополитики, а не ее ужесточения [Patel et al. 2018].

Кроме доминирующих в обществе ценностей на подход в научных исследованиях относительно наркополитики также влияет политический режим государства. Так, на современном этапе демократические режимы больше тяготеют к гуманному подходу и толерантности к меньшинствам. Методы антинаркотической политики в демократических государствах разнятся от программ снижения вреда до частичной легализации определенных психотропных веществ. Однако объединяет их одно — четкое разделение между наркопотребителями и наркоторговцами. Гуманное направление наркополитики в демократиях касается только наркопотребителей и наркозависимых, относительно же наркобизнеса сохраняется жесткий подход.

Авторитарные режимы, для которых запретительный подход является наиболее распространенным в государственной политике и к которому также наблюдается толерантность в массовом сознании и политической культуре общества, придерживаются более консервативных и жестких методов в сфере наркополитики. Этот подход находит свое отражение и в научных работах специалистов из авторитарных и недемократических государств.

Особенности борьбы с наркотиками в условиях недемократических политических режимов

У всех государств ресурсы ограничены, и политические решения, касающиеся уязвимых групп и меньшинств, часто не являются приоритетными. Даже в наиболее демократически развитых государствах остаются проблемы дискриминации меньшинств [Hanchard 2018]. Тем не менее одним из основных качественных отличий в государственной политике демократических и недемократических государств являются методы решений. Авторитарные и тоталитарные государства придерживаются в

основном силовых и запретительных мер, но их фокус борьбы смещен на последствия проблемы, а не на условия, способствующие употреблению.

Приверженность к запретительным методам недемократических режимов обосновывается не только рациональным для них выбором, но и ценностями. Как отмечает Х. Линц, в авторитарных режимах политическую идеологию (характерную для режимов тоталитарных) замещает отличительная ментальность, которая выражает определенные модели сознания и чувствования, которые, в отличие от идеологии, базируются на эмоциях, и которые формируют негласные способы реагирования на различные ситуации [Linz 1964]. Повышенная эмоциональная восприимчивость массового сознания становится основой для развития политических мифов.

Кроме активного использования политических мифов недемократические режимы тяготеют к использованию силовых и мобилизационных методов в государственной политике [Boutton 2019]. Однако не только в политических режимах данного типа, но и в переходных обществах с различными формами «зависших транзитов» методы принудительной, императивной координации обладают системным характером, проявляясь при формировании самых различных видов государственной политики, в том числе и антинаркотической. Не является исключением и современное российское общество, политическую систему которого большинство аналитиков (которым оппонировать лишь специалисты, апеллирующие к тексту Конституции и официальным документам органов государственной власти) рассматривают как гибридную [Petrov et al. 2014; Lukin 2018], отличающуюся персоналистским характером правления [Baturо, Elkin 2016].

Указание на низкий уровень массового сознания и политической культуры далеко не случайно, ибо сохранение в переходных обществах значительных массивов мифологического мышления является источником активизации патриархальных чувств и воззрений различных слоев населения. Другими словами, миф как идейно-образная конструкция, обуславливающая характер политического мышления человека, противопоставляет любым происходящим в сложноорганизованном мире и обществе противоречивым процессам схематичку бинарных оппозиций и нечувствительность к рациональной аргументации. И в этом смысле «миф больше говорит об определенностях культуры, чем о... метаморфозах массового сознания» [Глебова 2011, 202], то есть свидетельствует о его существенной укорененности в духовной жизни общества и массовой культуре. Более того, тяготея к воспроизводству изжитых образов и традиций, редуцируя убеждения к произвольно усеченной (а иногда и фальсифицированной)

истории страны, политическая символика мифомышления нередко рождает и внутреннее озлобление к противоположным картинам мира. В этом смысле даже принципы гуманизма жестко связываются исключительно с собственной формой мировосприятия.

Неудивительно, что на такой идейно-образной почве в массовом (а подчас и в элитарном) сознании постоянно воспроизводятся предрассудки и недоверие к любым позициям различных меньшинств и стимулирование этно- и социофобий, игнорирование мнений оппонентов и приоритетность символов силы (при урегулировании любых конфликтов), возводятся барьеры для взаимного сотрудничества между различными группами населения и даже между обществом и властью. В то же время в сфере формирования государственной политики символы мифомышления (элитарных и неэлитарных слоев) подталкивают власти к упрощенным подходам и целям, не способным достичь положительных результатов в сложно организованном обществе.

Мощными инструментами, направленными на снижение деконструктивной роли мифологических конструкций, является информационно-символическая деятельность, противостоящая предрассудкам и патриархальным стереотипам мифомышления, а также корректировка государственной антинаркотической политики с целью снижения потребления наркотиков населением и сопутствующих ему негативных явлений.

В последнем случае остро встает вопрос о следовании национальными правительствами рекомендациям ВОЗ и ООН¹, направленным на расширение методов предупредительной терапии, результаты которой, к примеру, в Германии, Греции, Австралии и других странах создают устойчивую положительную динамику в снижении потребления наркотиков и улучшают социальные навыки наркозависимых [Küfner et al. 1999]². Более того, по данным ООН, при проведении такой терапии уровень преступности среди наркозависимых снижается примерно вдвое³.

¹ Международные стандарты лечения расстройств, связанных с употреблением наркотических средств // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.unodc.org/documents/UNODC-WHO_International_Treatment_Standards_Russian.pdf (дата обращения: 29.04.2020).

² См. также Substitution Treatment Unit A of Athens. Quality level // EMCDDA [Электронный ресурс]. URL: https://www.emcdda.europa.eu/modules/wbs/dsp_print_project_description.cfm?project_id=437 (дата обращения: 12.05.2020).

³ Совместная позиция ВОЗ/УООННП/ЮНЭЙДС. Заместительная поддерживающая терапия в ведении пациентов с опиоидной зависимостью и в профилактике ВИЧ-инфекции и СПИДа // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.unodc.org/pdf/publications/report_2004-03-15_1_ru.pdf (дата обращения: 12.05.2020).

Применительно к современному российскому обществу можно сказать, что надежды на соответствующие изменения в области наркополитики прежде всего предполагают возложение ответственности за ее проведение на Министерство здравоохранения (при этом МВД должно сосредоточиться на борьбе с наркобизнесом), обладающее большими возможностями к привлечению экспертов-медиков, специалистов и волонтеров из неправительственных организаций, непосредственно работающих с наркопотребителями. Думается, это было бы надежным основанием для увеличения активности государства в области аутрич-работы, то есть низовой, уличной работы, направленной на социальную поддержку наркозависимых граждан с целью их успешной адаптации в обществе, устройства на работу и т.д. Такое изменение ответственности государственных институтов, скорее всего, способствовало бы и расширению финансирования этого вида работы (напомним, что на данный момент такая деятельность финансируется не государством, а за счет средств некоторых НКО). Одновременно следует уделить самое существенное внимание и реорганизации деятельности МВД, в котором по-прежнему сохраняются практики, закладывающие большие риски злоупотребления сотрудниками своим служебным положением и нарушения прав человека.

Мифополитические основания российской антинаркотической политики

И российское общество, и государство, проектирующее траектории его развития, в полной мере испытывают влияние различных форм мифромышления, обуславливающих характер доминирующих в социуме субкультур. В самом общем виде наиболее распространенные стандарты мифологических образов настоящего и будущего воспроизводят в сознании людей ценностно-ориентационные схемы патриархального типа, сохраняющие приверженность людей принципам неизменной правоты большинства (противопоставляемого различным меньшинствам), сохранения подлинной правды (противопоставляемой истине) исключительно в «толще народа», авторитета и приоритета силы над слабостью (власти государства над «миром»), перманентного сопротивления чужакам и иноземцам (то есть не своим), апелляции к вождям и героям (способным к организации всеобщей воли) и т.д.

В свою очередь, на культурной платформе патриархального сознания мифы в сфере наркополитики по-своему преломляют эти бытующие стереотипы и предрассудки. В частности, как форма дологической рефлексии человека мифомышление постоянно порождает стереотипы, предрассудки и страхи относительно угроз, ожидаемых от наркопотребителей как особого меньшинства, по отношению к которому могут

применять, мягко говоря, неординарные меры регулирования. В ряде случаев такие бытовые фобии переплетаются с представлениями об использовании наркозависимых людей (как лиц, наиболее уязвимых для внешнего давления и потому готовых на все ради «дозы») в качестве исполнителей криминальных деяний и терактов и даже связывают их деятельность с различными конспирологическими схемами, свидетельствующими о планах «мирового теневого правительства» разрушить страну или чипировать граждан за счет поголовной «нарколизации населения». Хорошо известно при этом, что немалая часть «желтой прессы», активно используя присущие ей политические технологии, поддерживает такого рода настроения, популяризируя многочисленные версии «свершения» этих «планов» и даже называя конкретные фамилии глобальных брокеров и даты «конца света».

Однако надо иметь в виду, что такие практики (при всей их фантастичности) не столько содержательно трансформируют мифологические конструкции, сколько повышают в общественном мнении уровень скепсиса, настороженности, а часто и враждебности по отношению к наркопотребителям. Отметим также, что различные государства (отнюдь не только российское) нередко рассматривают эту часть населения как некую непривилегированную группу, которая, не пользуясь популярностью у населения, позволяет властям снижать уровень ее социальной защиты, списывать за ее счет те или иные издержки своего курса, перекладывать на нее различные риски и тяготы и т.д. [Ingram, Schneider 2015]. При этом наряду с государственными институтами⁴ и другие политические игроки (представляющие, к примеру, различные группы организованных интересов) также используют политические мифы (сконструированные под тот или иной политический проект) в собственных интересах. Выступая в качестве когнитивной платформы для манипулирования информацией и массовым сознанием, мифологические образы становятся инструментом для усиления адресной убеждающей коммуникации, мобилизации поддержки корпоративных планов, легитимации частных государственных политик, поддержки федеральных и региональных лидеров и т.д.

Наличие структур мифомышления самым непосредственным образом отражается и на отношении к международному опыту, успешным практикам госрегулирования в этой сфере. Показательно, однако, что отечественные чиновники

⁴ В частности, можно вспомнить, что бывший министр культуры РФ В.Р.Мединский активно поддерживал создание ряда художественных фильмов, посвященных героическим событиям военных лет, достоверность которых часто ставилась под сомнение многими учеными-историками.

рассматривают такой опыт как бы через обвинительную призму. Так, около 10 лет назад, полемизируя по поводу доклада Глобальной комиссии ООН по политике в области наркотиков (оказавшего существенное влияние даже на международную повестку)⁵, ряд представителей российской власти не просто высказался против предложенных в докладе мер, но и категорически отверг содержащиеся там идеи и принципы. В частности, российские чиновники назвали доклад «глобальной PR-кампанией в пользу легализации наркотиков», обвинили комиссию в защите интересов «глобальной наркомафии», а заместительную терапию (реализуемую в медицинских учреждениях под строгим контролем врачей) определили как свободную «раздачу метадона», назвав ее результаты «легальным адом», в котором заинтересованы производители этого препарата⁶; при этом самих наркопотребителей обвинили в том, что они «организуют эпидемические процессы и уничтожение населения» [Иванов 2011]. Характерно, что такое отношение к международному опыту связывалось даже со способностью наркопотребителей подрывать здоровье нации и совершением ими разбойных нападений [Там же].

Для подтверждения своих подходов относительно заместительной терапии чиновниками активно использовался и пример соседней Украины, которая, предоставив широкий простор канадским фармацевтическим компаниям, якобы существенно увеличила в стране число наркопотребителей⁷. Добавим, что подобная критика постепенно усиливалась и на фоне негативного освещения в центральных масс-медиа общеполитической ситуации в этой стране, активизации риторики о внешних врагах и т.д.

⁵ Берсенева А. Наркотики победили человечество. Высокопоставленные мировые эксперты признали провал борьбы с наркотиками // Газета.Ru [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2011/06/02/3636741.shtml> (дата обращения: 01.05.2020).

⁶ Ответ заместителя Министра иностранных дел России О.В. Сыромолотова на вопрос СМИ о программах «снижения вреда» от наркотиков, Москва, 6 августа 2018 года // Сайт Министерства иностранных дел РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3314696 (дата обращения: 01.05.2020).

⁷ Заседание президиума Госсовета по вопросу реализации государственной антинаркотической политики // Сайт Президента России [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/49716> (дата обращения: 01.05.2020).

Характерно, однако, что и по прошествии ряда лет российские чиновники также игнорируют факты, отражающие положительную роль заместительной терапии⁸, сохраняя к ней такое же негативное отношение. Так, министр МВД В.А. Колокольцев, выступая на одном из заседаний Совета Федерации, повторил негативные оценки относительно «концепции «снижения вреда», повторив утверждение, что «метадоновая заместительная терапия», категорически недопустима в нашей стране»⁹. В том же духе высказываются и другие чиновники, утверждающие, что «программы «снижения вреда», ...с которых, как правило, начинается внедрение «заместительной (опиоидной) терапии»... являются косвенным вариантом легализации наркотических веществ через официальные медицинские структуры», что «приостанавливает поиск эффективных методов лечения наркомании»¹⁰.

Представляется, что реакция властей должна быть, как минимум, более гибкой, учитывающей складывающееся положение дел. Так, сегодня количество наркозависимых россиян оценивается в 8,5 млн человек, что составляет около 6% населения страны. При этом реальное число наркозависимых может превышать официальную статистику в 3–10 раз¹¹. По данным Всемирного доклада о наркотиках ООН, в 2016 году почти 50% численности от мирового количества потребителей инъекционных наркотиков приходилось на население Китая, России и США. Более того, 53% от мировой численности ВИЧ-инфицированных потребителей инъекционных наркотиков проживали на территории Китая, Пакистана и России¹². В России в 57,3%

⁸ На самом деле смертность пациентов заместительной терапии стала расти после прекращения этой программы. Как отмечает ООН, по состоянию на 2015 год из 805 человек с момента сворачивания программы погибли от 80 до 100. Эти данные подтверждает правозащитная организация «Международный альянс по ВИЧ/СПИД в Украине». Источник: ООН: наркоманы Крыма умирают без заместительной терапии // BBC [Электронный ресурс]. URL: https://www.bbc.com/russian/society/2015/01/150122_crimea_drugs_crisis (дата обращения: 12.05.2020).

⁹ Выступление Владимира Колокольцева на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации // Сайт МВД РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/12646586> (дата обращения: 12.05.2020).

¹⁰ Ответ заместителя Министра иностранных дел России О.В. Сыромолотова на вопрос СМИ о программах «снижения вреда» от наркотиков, Москва, 6 августа 2018 года // Сайт МИД РФ [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/UdAzvXr89FbD/content/id/3314696 (дата обращения: 12.05.2020).

¹¹ *Кориунов В.А.* Эпидемиологические закономерности распространения наркопотребления и наркозависимости и направления по оптимизации мер профилактики: дисс... канд. мед. наук. М., 2017.

¹² World Drug Report 2018 // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.unodc.org/wdr2018/prelaunch/WDR18_Booklet_2_GLOBAL.pdf (дата обращения: 01.05.2020).

случаев причиной заражения ВИЧ является употребление наркотиков нестерильным способом, как правило внутривенно¹³.

Показатели распространения ВИЧ имеют прямую связь с наркотической ситуацией в России. Так, согласно докладу ЮНЭЙДС, по итогам 2015 года Россия вышла в мировые лидеры по распространению эпидемии вируса иммунного дефицита человека: на нее приходится 80% новых случаев инфицирования в 2015 году¹⁴. По данным ВОЗ, в России развивается самая большая эпидемия ВИЧ-инфекции в Восточной Европе и Центральной Азии: в 2015 году было зарегистрировано более 98 000 новых случаев заражения, сам же показатель заболеваемости растет на 10–15% в год¹⁵. С 2006 года число людей, которым был поставлен диагноз «ВИЧ-инфекция», выросло на 149%¹⁶.

Причины наркозависимости глубинны и тесно связаны с проблемами бедности, безработицы и ментальных расстройств. Последствия этого заболевания сказываются практически на всех сферах жизни общества и государства. Наиболее очевидным способом борьбы с наркозависимостью является ужесточение наркополитики, преследование и изоляция как наркоторговцев, так и наркопотребителей. Но, несмотря на все силовые методы борьбы государства с наркотиками, спрос на них остается высоким.

На поддержку российским обществом запретительной государственной антинаркотической политики сильно повлиял социально-политический кризис после распада Советского Союза. Так, после распада СССР новая Россия вступила в зону турбулентности, которую современники называют «лихими 90-ыми». Данная эпоха ознаменовалась радикальными экономическими и политическими реформами, социальным кризисом, существенным снижением доходов основной массы граждан и ростом преступности. Эти явления, наряду с предшествующими им факторами социально-экономического развития позднесоветского периода, привели к обнищанию населения и стремительному росту безработицы. Безработица, нищета и чувство безысходности привели многих граждан к зависимости от наркотиков и алкоголя. С приходом к власти В.В. Путина был взят курс на упорядочивание социально-

¹³ Последние эпидемиологические данные по ВИЧ-инфекции в Российской Федерации (по состоянию на 31.12.2014 г.) // Федеральный Центр СПИД [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hivrussia.ru> (дата обращения: 25.05.2020).

¹⁴ Мальшева Е., Романова К., Нетреба П. ВИЧ африканского масштаба. ООН назвала Россию эпицентром мировой эпидемии ВИЧ // Газета.ру [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2016/07/14/9689903.shtml> (дата обращения: 20.05.2020).

¹⁵ HIV/AIDS surveillance in Europe 2015 // WHO Regional Office for Europe [Электронный ресурс]. URL: http://www.euro.who.int/_data/assets/pdf_file/0019/324370/HIV-AIDS-surveillance-Europe-2015.pdf?ua=1 (дата обращения: 27.05.2020).

¹⁶ HIV and AIDS in Russia // Avert [Электронный ресурс]. URL: https://www.avert.org/professionals/hiv-around-world/eastern-europe-central-asia/russia#footnote2_1hu50w3 (дата обращения: 27.05.2020).

политической жизни и экономики государства. В том числе стала реализовываться политика по ужесточению борьбы с преступностью, в том числе и с наркоторговлей.

С учетом того, что возможности граждан были крайне ограниченными в решении проблемы подобного опасного соседства, ужесточение наркополитики было воспринято ими в основном положительно. Как показал опрос ВЦИОМ, проведенный в 2017 году, большинство опрошенных граждан поддерживают ужесточение наркополитики, а именно введение уголовной ответственности за употребление наркотиков. Что характерно, за ужесточение выступают как люди, не имеющие знакомых наркопотребителей (79%), так и люди, непосредственно знакомые с наркопотребителями (76%)¹⁷. Это свидетельствует о том, что на данный момент, с точки зрения граждан, нет более эффективного механизма борьбы с наркоманией, чем уголовное преследование и тюремная изоляция не только наркоторговцев, но и наркопотребителей.

В то же время 228-ую статью УК РФ иногда называют «народной» — по ней ежегодно признаются виновными около 100 тысяч человек. Сбыт наркотиков является одним из наиболее распространенных оснований отправления людей в исправительные учреждения: в 2017 году было всего осуждено 697 497 человек, из них по делам, связанным с наркотиками, было осуждено 102 292 человека, из которых почти половина (41200) получили реальное лишение свободы¹⁸. В отличие от данных официальной статистики (которая, как известно, во многом продолжает советскую политику «лукавой цифры», приукрашивавшую действительное положение дел), эксперты из профильных НКО утверждают, что большинство осужденных за сбыт — это не наркобизнесмены, а наркозависимые люди¹⁹. При этом надо признать и то, что нынешняя организация системы правоохранительных органов настроена на увеличение показателей раскрываемости дел, в то время как наркозависимые оказываются весьма удобным «человеческим материалом» для недобросовестных сотрудников, способных добиться от них нужных показаний и сфальсифицировать уголовные дела²⁰.

¹⁷ Наркомания в России: масштаб проблемы, и как с ней бороться? Аналитический обзор ВЦИОМ, 2017 // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116282> (дата обращения: 05.12.2019)

¹⁸ Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008–2018 годы // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/Sbornik_sudimosti_2008-2018.xls (дата обращения: 20.05.2020).

¹⁹ В России судят наркозависимых вместо наркобаронов // Deutsche Welle [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dw.com/ru/в-россии-судят-наркозависимых-вместо-наркобаронов/a-45316393> (дата обращения: 22.05.2020).

²⁰ Заякин А. Это нам подбросили. 40 тысяч раз. Как математически доказать существование массовых фальсификаций по наркотическим статьям УК // Новая Газета [Электронный ресурс].

Существенным фактором, ослабляющим усилия государства и общества в области наркополитики, является и то, что, в отличие от зарубежных НКО (например, в Австралии, где они играют существенную роль в поддержании партнерских отношений с государственными институтами, координируя с ними свои усилия и одновременно завоеывая доверие у «сообществ» наркопотребителей, действующих совместно с экспертами, участвующими в информационных кампаниях и т.д.) [Thomas et al. 2016], государство не вовлекает отечественные аналогичные структуры в крупные информационные кампании, а подчас даже ограничивает их активность в деле помощи наркозависимым гражданам. Не случайно, у многих граждан складывается ошибочное мнение, что наркозависимость — это проблема только маргинальных людей и что если этих людей просто изолировать (в тюрьме, в реабилитационном центре), то проблема наркомании будет решена.

Так, согласно данным ВЦИОМ за 2018 год, количество людей, считающих, что наркозависимость — это серьезное заболевание, снизилось с 45% до 37%. Около трети опрошенных респондентов (32%) считают, что наркозависимость — это не болезнь, а общественный недуг. 23% опрошенных придерживаются еще более радикальной позиции — они считают, что наркопотребителей необходимо изолировать от общества²¹. Подобное стереотипное отношение к наркопотребителям сформировалось в эпоху СССР, и советский опыт до сих пор влияет на восприятие этой проблемы [Плоткин 2015]. Так, в Советском Союзе наркозависимость, так же как и алкоголизм, лечились принудительным трудом и изоляцией в специальных учреждениях — лечебно-трудовых профилакториях (ЛТП). В ЛТП людей помещали по решению суда, а за исполнением лечения следило МВД. В советское время ЛТП тем не менее не относились к уголовно-исполнительной системе.

Ситуация изменилась после распада СССР, когда система ЛТП была упразднена. В 1998 году в России вступает в силу Федеральный закон о наркотических средствах и психотропных веществах, предусматривающий уголовное преследование не только наркоторговцев, но и фактически наркозависимых людей²². В результате система ЛТП была заменена на исправительно-трудовые колонии, которые тоже выполняли и

URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/06/10/80846-eto-nam-podbrosili-40-tysyach-raz> (дата обращения: 23.05.2020).

²¹ Наркомания в России: мониторинг // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9177> (дата обращения: 24.05.2020).

²² Дельфинов А. Карательная реабилитация // Самиздат «Мамихлапинатана» «Батенька, да вы трансформер» [Электронный ресурс]. URL: <https://batenka.ru/resource/booze/2-heroin-rehabilitation/> (дата обращения: 20.05.2020).

продолжают выполнять основную функцию ЛТП — изолировать, дисциплинировать, привлечь к тяжелому труду. Однако один метод изоляции неэффективен в лечении наркозависимости. Согласно Всемирному докладу ООН о наркотиках, принудительное содержание наркозависимых в наркологических центрах ухудшает их жизнь²³, в результате чего нередко после выхода из наркологического центра бывшие пациенты возвращаются к наркотикам. Кроме того, на практике тюремная изоляция не гарантирует изоляцию от наркотиков. Так, есть свидетельства, что в тюрьмах у заключенных есть доступ к наркотикам²⁴. После выхода из мест лишения свободы бывшие заключенные часто начинают снова принимать наркотики, что часто влечет за собой летальный исход из-за передозировки. Как отмечается в совместном докладе ООН и ВОЗ, повышенная смертность после освобождения из тюрьмы или реабилитационного центра выражается «в утрате толерантности и ошибочной оценке доз при возвращении к употреблению»²⁵.

К сожалению, ряд российских политиков и общественных деятелей не только перекладывает ответственность за наркозависимость и сопутствующие ей заболевания на самих наркозависимых, игнорируя те причинно-следственные связи, которые приводят людей к химической зависимости, но и проводит линию на абсолютную дегуманизацию общественного мнения по отношению к этой группе сограждан. Так, бывший председатель Екатеринбургской городской думы Е. Ройзман — отнюдь не потерявший своей популярности — и вовсе называет наркозависимых «животными»²⁶, формируя таким образом особую мифологическую платформу, вытесняющую наркопотребителей за рамки общегражданского сообщества. И пусть такие риторические выпады (однако публичные!) популярных у населения фигур носят частичный характер, нельзя не видеть, что они оправдывают применение к этим людям таких средств, которые недопустимы в цивилизованном обществе по отношению к своим согражданам.

²³ Всемирный доклад о наркотиках — 2016 // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.unodc.org/doc/wdr2016/V1604259_Russian.pdf (Дата обращения: 23.05.2020).

²⁴ «У нас воров нет, короновать некому». Сиделец о доступных наркотиках и блатных раскладах в российской колонии // Lenta.Ru [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2017/12/01/arestant/> (дата обращения: 23.05.2020); Литаврин М. Как устроен наркотрафик в тюрьме // Самиздат «Мамихлапинатана» «Батенька, да вы трансформер» [Электронный ресурс]. URL: <https://batenka.ru/protection/crime/4-heroin-jail/> (дата обращения: 23.05.2020).

²⁵ Передозировка опиоидов: предупреждение и снижение смертности, вызванной передозировкой опиоидов // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.unodc.org/docs/treatment/overdose_russian.pdf (дата обращения: 20.05.2020).

²⁶ Ройзман Е. Наркоман — это животное // Личный блог Евгения Ройзмана. [Электронный ресурс]. URL: <https://roizman.livejournal.com/874496.html> (дата обращения: 25.05.2020).

Заключение

С одной стороны, нынешняя государственная антинаркотическая политика в России на данный момент представляет собой консенсус между властью и большинством россиян, что свидетельствует о ее достаточной поддержке самовоспроизводства основных подходов, принципов, а главное – методов практической реализации данного курса. Однако такой консенсус явно недостаточно учитывает интересы ее целевой аудитории, которая составляет меньшинство — наркопотребителей и наркозависимых. Консенсус, который явно или неявно усиливает внутреннюю изоляцию этой части населения, все больше испытывающую скепсис не только относительно заинтересованности государства в решении их проблем, но и наличия общегражданской солидарности. Таким образом, групповая психология этого «непривилегированного» меньшинства превращается в самостоятельный источник напряженности, который в еще большей степени обостряет реакцию этой уязвимой группы и на действия властей, и на позицию общества (и даже резонируя в настроениях других меньшинств, лишенных должного понимания их интересов со стороны государства и социума — феминисток, ВИЧ-инфицированных и др.).

Коротко говоря, сложившийся, по преимуществу директивно-охранительный курс и соответствующий тип публичного дискурса позволяют структурам государственной власти дистанцироваться от рекомендаций международных организаций (ВОЗ, ООН), направленных на гуманизацию наркополитики. И то, что повестку наркополитики фактически формируют силовые ведомства (которые, как уже говорилось, сохраняют свой ведомственный интерес при применении карательно-силовых методов регулирования как в публичном, так и в полутеневом пространстве), отдавая предпочтение военным, а не гражданским экспертам в области здравоохранения, является наглядным подтверждением живучести в аппарате управления мифологических, не реагирующих на динамику и вызовы времени убеждений.

Конечно, следует признать, что своеобразным подспорьем такой линии государственного управления служит и патриархальная культура значительной части населения, сохраняющего стойкую уверенность в справедливости перекладывания ответственности за издержки и риски активности наркопотребителей исключительно на данную группу населения.

Однако практика уже доказала, что решения, принимаемые исходя из корпоративных интересов силовых ведомств и без учета потребностей меньшинств (целевой аудитории данной политики), а также игнорирование современного

международного опыта будут ошибочными и нерезультативными в долгосрочной перспективе.

Государству невозможно выстроить эффективную антинаркотическую политику без учета интересов целевой аудитории. В связи с этим представляется жизненно необходимой корректировка разработки и осуществления этой стратегической линии на основе качественного повышения информационного сопровождения поставленных целей, предполагающего борьбу с мифологическими образами, поддерживающими бесперспективные методы наркотической политики и дискриминацию гражданских прав наркопотребителей; более широкое использование успешного зарубежного опыта (предполагающего применение на практике совместных рекомендаций ВОЗ и ООН), а также передача полномочий в деле разработки антинаркотической политики Министерству здравоохранения. Наряду с более широким подключением к разработке соответствующих государственных решений специалистов из сферы здравоохранения требуется и более активное участие правозащитников и НКО, непосредственно работающих с наркопотребителями, широкое внедрение паттернов аутрич-работы с наркозависимыми людьми.

Список литературы:

- Брюн Е.А., Кошкина Е.А., Надеждин А.В., Колгашкин А.Ю., Сокольчик Е.И., Бедина И.А.* Профилактика и лечение наркомании и алкоголизма в странах Скандинавии // Наркология. 2017. Т. 16. № 4. С. 11–21.
- Глебова И.И.* Отечественная война в русской культуре // Труды по русистике. 2001. Вып. 3. С. 199–285.
- Зазулин Г.В.* Антинаркотическая политика в России: Проблемы становления (2000–2013 гг.). Спб.: «Юридический центр — Пресс», 2013.
- Зотова С.И., Куташов В.А., Шульга А.С.* Социальные последствия и криминогенность при наркомании // Центральный научный вестник. 2016. Т. 1. № 16. С. 18–19.
- Иванов В.П.* О позиции в связи с публикацией доклада «Глобальной комиссии ООН по политике в области наркотиков» // Наркология. 2011. Т. 10. № 7(115). С. 15–17.
- Кобец П.Н.* Основы деятельности правоохранительных органов Российской Федерации по реализации государственно-правовой антинаркотической политики // Символ науки. 2016. № 9-1. С. 200–202.
- Корсаков К.В.* Женщина в призме уголовной ответственности // Дискурс-Пи. 2016. № 2. С. 42–48.

- Лексин В.Н.* Государственная семейная политика и обычная русская семья // *Общественные науки и современность*. 2010. № 2. С. 57–69.
- Плоткин Ф.Б.* Новые тенденции в российской наркологии: возврат к старым силовым методам принудительного лечения // *Независимый психиатрический журнал*. 2015. № 4. С. 13–24.
- Серова Е.С.* Российская антинаркотическая политика // *Пути к миру и безопасности*. 2013. № 2. С. 142–145.
- Силласте Г.Г.* Женщина как объект и субъект социальной безопасности // *Социологические исследования*. 1998. № 12. С. 62–72.
- Babor Th.F., Caulkins J.P., Edwards G., Fischer B., Foxcroft D.R., Humphreys K., Obot I.S., Rehm J., Reuter P., Room R., Rossow I., Strang J.* Drug policy and the Public Good. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Baturo A., Elkind J.A.* Dynamics of Regime Personalization and Patron–Client Networks in Russia, 1999–2014 // *Post-Soviet Affairs*. 2016. Vol. 32. Is. 1. P. 75–98. DOI: <https://doi.org/10.1080/1060586X.2015.1032532>.
- Boutton A.* Coup-Proofing in the Shadow of Intervention: Alliances, Moral Hazard, and Violence in Authoritarian Regimes // *International Studies Quarterly*. 2019. Vol. 63. No. 1. DOI: <https://doi.org/10.7910/DVN/2IO3DL>.
- Campos S.* “I Was in Crisis” // *International Feminist Journal of Politics*. 2016. Vol. 18. Is. 2. P. 230–247. DOI: <https://doi.org/10.1080/14616742.2015.1094244>.
- Caulkins J.P., Gurga B., Little C.* Economic Analysis of Drug Transaction ‘Cycles’ Described by Incarcerated UK Drug Dealers // *Global Crime*. 2009. Vol. 10. Is. 1-2. P. 94–112.
- Hanchard M.G.* The Spectre of Race: How Discrimination Haunts Western Democracy. Princeton: Princeton University Press, 2018. DOI: <https://doi.org/10.23943/9781400889570>.
- Ingram H., Schneider A.* Making Distinctions: The Social Construction of Target Populations // *Handbook of Critical Policy Studies* / edited by F. Fisher, D. Torgerson, A. Durnova, M. Orsini. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2015. P. 259–273.
- Küfner H., Vogt M., Weiler D.* Medizinische Rehabilitation und Methadon-Substitution, Baltmannsweiler: Schneider Verlag Hohengehren, 1999.
- Lewis C.D.* Access to Narcotic Addiction Treatment and Medical Care // *Journal of Addictive Diseases*. 1999. Vol. 18. Is. 2. P. 5–21. DOI: https://doi.org/10.1300/J069v18n02_02.
- Linz Juan J.* An Authoritarian Regime: The Case of Spain // *Cleavages, Ideologies and Party Systems* / E. Allardt, Y. Littunen (eds.). Helsinki: Transactions of the Westermarck Society, 1964.

- Lukin A.* Putin's Political Regime and Its Alternatives // *Strategic Analysis*. 2018. Vol. 42. Is. 2. P. 134–153. DOI: <https://doi.org/10.1080/09700161.2018.1439331>.
- Miller A.H., Damask N.A.* The Dual Myths of 'Narco-Terrorism': How Myths Drive Policy // *Terrorism and Political Violence*. 1996. Vol. 8. Is. 1. P. 114–131. DOI: <https://doi.org/10.1080/09546559608427336>.
- Patel V., Saxena S., Lund C., Thornicroft G., Baingana F., Bolton P., Chisholm D., Collins P., Cooper J.L., Eaton J., Herrman H., Herzallah M.M., Huang Y., Jordans M.J.D., Kleinman A., Medina-Mora M.-E., Morgan E., Niaz U., Omigbodun O., Prince M., Rahman A., Saraceno B., Sarkar B.K., Silva M., Singh I., Stein D.J., Sunkel Ch., Unützer J.* The Lancet Commission On Global Mental Health and Sustainable Development // *The Lancet*. 2018. Vol. 392. No. 10157. P. 1553–1598. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(18\)31612-X](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(18)31612-X).
- Pentz M.A., Mares D., Schinke S., Rohrbach L.A.* Political Science, Public Policy, and Drug Use Prevention // *Substance Use & Misuse*. 2004. Vol. 39. Is. 10-12. P. 1821–1865.
- Petrov N., Lipman M., Hale H.E.* Three Dilemmas of Hybrid Regime Governance: Russia from Putin to Putin // *Post-Soviet Affairs*. 2014. Vol. 30. Is. 1. P. 1–26. DOI: <https://doi.org/10.1080/1060586X.2013.825140>.
- Sterling E.E.* Drug Policy // *Journal of Religion & Spirituality in Social Work: Social Thought*. 2004. Vol. 23. Is. 1-2. P. 51–81.
- Tham H.* The Influence of the Drug Issue on Criminal Policy // *Journal of Scandinavian Studies in Criminology and Crime Prevention*. 2012. Vol. 13. Is. sup1. P. 12–30.
- Thomas N., Bull M., Dioso-Villa R., Smith C.* Governing Drug Use through Partnerships: Towards a Genealogy of Government/Non-Government Relations in Drug Policy // *International Journal of Drug Policy*. 2016. Vol. 28. P. 34–42. DOI: [10.1016/j.drugpo.2015.11.002](https://doi.org/10.1016/j.drugpo.2015.11.002).
- Van der Meulen E., De Shalit A., Ka Hon Chu S.* A Legacy of Harm: Punitive Drug Policies and Women's Carceral Experiences in Canada // *Women & Criminal Justice*. 2018. Vol. 28. Is. 2. P. 81–99. DOI: <https://doi.org/10.1080/08974454.2017.1307160>.
- Wahler E.A.* Retribution or Rehabilitation? Conflicting Goals of US Policies Pertaining to Drug Felonies and Their Impact on Women // *Journal of Women, Politics & Policy*. 2015. Vol. 36. Is. 1. P. 95–106. DOI: <https://doi.org/10.1080/1554477X.2015.985155>.

Дата поступления: 03.05.2020

Bobrovskaya E.V.

Mythological and Ideological Constructions Shaping Contemporary Russian Drug Policy

Ekaterina V. Bobrovskaya — educational specialist, State Governance Department, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow Russian Federation.

E-mail: dreaken@mail.ru

Abstract

The article describes the political myth as one of the sources for formatting anti-drug policy in contemporary Russia. The paper analyzes approaches to the anti-drug state policy in foreign academic literature, compares it with approaches in Russian academic literature, demonstrates common and specific features of anti-drug policy representation in Russian and international science. The author notes that there is a significant impact on the academic vision of the narcotic problem by the values, which are popular in the majority of society and state. This impact persists in both democratic and non-democratic states. In this context, various, including historical aspects of the domestic approach to understanding the goals and meanings of the confrontation with the narcotic threat to society are considered. As part of highlighting the role of mythological factors in the development of contemporary anti-drug policy in Russia, an analysis of the advantages and disadvantages of this strategy is proposed, as well as the main features of promoting and implementing state goals are revealed. Particular attention is paid to a meaningful analysis of political myths used in the development of target settings for state anti-drug policy, a description of its organic unity with general political mythological constructions, as well as a characterization of these ideological-shaped views influence on the process of state decision-making and on the attitude of the political elite to international experience. The analysis allows us to assess the prospects for the development of the state anti-drug policy, to see the possibilities for improving it and increasing the effectiveness in the short and medium term.

Keywords

Drug policy, state policy, decision making, political myths, political mythology, ideology, drugs, war on drugs.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10070

References:

- Babor Th.F., Caulkins J.P., Edwards G., Fischer B., Foxcroft D.R., Humphreys K., Obot I.S., Rehm J., Reuter P., Room R., Rossow I., Strang J. (2010) *Drug policy and the Public Good*. Oxford: Oxford university press.
- Baturo A., Elkind J.A. (2016) Dynamics of Regime Personalization and Patron–Client Networks in Russia, 1999–2014. *Post-Soviet Affairs*. 2016. Vol. 32. Is. 1. P. 75–98. DOI: <https://doi.org/10.1080/1060586X.2015.1032532>.
- Boutton A. (2019) Coup-Proofing in the Shadow of Intervention: Alliances, Moral Hazard, and Violence in Authoritarian Regimes. *International Studies Quarterly*. Vol. 63. No. 1. DOI: <https://doi.org/10.7910/DVN/2IO3DL>.
- Bryun E.A., Koshkina E.A., Nadezhdin A.V., Kolgashkin A.Ju., Sokoltchik Ye.I., Bedina I.A. (2017) Prevention and Treatment of Drug and Alcohol Addiction in Scandinavian Countries. *Narkologiya*. Vol. 16. No. 4. P. 11–21.
- Campos S. (2016) “I Was in Crisis”. *International Feminist Journal of Politics*. Vol. 18. Is. 2. P. 230–247. DOI: <https://doi.org/10.1080/14616742.2015.1094244>.

- Caulkins J.P., Gurga B., Little C. (2009) Economic Analysis of Drug Transaction ‘Cycles’ Described by Incarcerated UK Drug Dealers. *Global Crime*. 2009. Vol. 10. Is. 1-2. P. 94–112.
- Glebova I.I. Otechestvennaya voyna v russkoy kul'ture [Patriotic war in Russian culture]. *Trudy po rossiyevedeniyu*. 2001. Vol. 3. P. 199–285.
- Hanchard M.G. (2018) *The Spectre of Race: How Discrimination Haunts Western Democracy*. Princeton: Princeton University Press. DOI: <https://doi.org/10.23943/9781400889570>.
- Ingram H., Schneider A. (2015) Making Distinctions: The Social Construction of Target Populations. In: F. Fisher, D. Torgerson, A. Durnova, M. Orsini (eds.) *Handbook of Critical Policy Studies*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. P. 259–273.
- Ivanov V.P. (2011) On the Position in Connection with the Publication of the Report of the UN Global Commission on Drug Policy. *Narkologiya*. Vol. 10. No. 7(115). P. 15–17.
- Kobets P.N. (2016) Osnovy deyatel'nosti pravoohranitel'nyh organov Rossijskoj Federacii po realizacii gosudarctvenno-pravovoj antinarkoticheskoy politiki [Fundamentals of the activities of the law enforcement bodies of the Russian Federation on the implementation of the state legal anti-drug policy]. *Symvol nauki*. No. 9-1. P. 200–202.
- Korsakov K.V. (2016) The Woman in the Prism of Criminal Responsibility. *Discourse-Pi*. No. 2. P. 42–48.
- Küfner H., Vogt M., Weiler D. (1999) *Medizinische Rehabilitation und Methadon-Substitution*. Baltmannsweiler: Schneider Verlag Hohengehren.
- Leksin V.N. (2010) The State Family Politics and Traditional Russian Family. *Obshestvenniye nauki i sovremennost'*. 2010. No. 2. P. 57–69.
- Lewis C.D. (1999) Access to Narcotic Addiction Treatment and Medical Care. *Journal of Addictive Diseases*. Vol. 18. Is. 2. P. 5–21. DOI: https://doi.org/10.1300/J069v18n02_02.
- Linz Juan J. (1964) An Authoritarian Regime: The Case of Spain. In: E. Allardt, Y. Littunen (eds.). *Cleavages, Ideologies and Party Systems*. Helsinki: Transactions of the Westermarck Society.
- Lukin A. (2018) Putin's Political Regime and Its Alternatives. *Strategic Analysis*. Vol. 42. Is. 2. P. 134–153. DOI: <https://doi.org/10.1080/09700161.2018.1439331>.
- Miller A.H., Damask N.A. (1996) The Dual Myths of ‘Narco-Terrorism’: How Myths Drive Policy. *Terrorism and Political Violence*. Vol. 8. Is. 1. P. 114–131. DOI: <https://doi.org/10.1080/09546559608427336>.
- Patel V., Saxena S., Lund C., Thornicroft G., Baingana F., Bolton P., Chisholm D., Collins P., Cooper J.L., Eaton J., Herrman H., Herzallah M.M., Huang Y., Jordans M.J.D., Kleinman A., Medina-Mora M.-E., Morgan E., Niaz U., Omigbodun O., Prince M., Rahman A., Saraceno B.,

- Sarkar B.K., Silva M., Singh I., Stein D.J., Sunkel Ch., Unützer J. (2018) The Lancet Commission On Global Mental Health and Sustainable Development. *The Lancet*. Vol. 392. No. 10157. P. 1553–1598. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(18\)31612-X](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(18)31612-X).
- Pentz M.A., Mares D., Schinke S., Rohrbach L.A. (2004) Political Science, Public Policy, and Drug Use Prevention. *Substance Use & Misuse*. Vol. 39. Is. 10-12. P. 1821–1865.
- Petrov N, Lipman M., Hale H.E. (2014) Three Dilemmas of Hybrid Regime Governance: Russia from Putin to Putin. *Post-Soviet Affairs*. Vol. 30. Is. 1. P. 1–26. DOI: <https://doi.org/10.1080/1060586X.2013.825140>.
- Plotkin F.B. (2015) New Trends in Russian Narcology: Returning to Old Methods of Involuntary Treatment. *Nezavisimyy psikhiatricheskiy zhurnal*. No. 4. P. 13–24.
- Serova E.S. (2013) Rossijskaya antinarkoticheskaya politika [Russian anti-drug policy]. *Puti k miru i bezopasnosti*. No. 2. P. 142–145.
- Sillaste G.G. (1998) Zhenshchina kak ob’ekt i sub’ekt sotsial’noy bezopasnosti [Woman as an object and subject of social security]. *Soziologicheskie issledovaniya*. No. 12. P. 62–72.
- Sterling E.E. (2004) Drug Policy. *Journal of Religion & Spirituality in Social Work: Social Thought*. Vol. 23. Is. 1-2. P. 51–81.
- Tham H. (2012) The Influence of the Drug Issue on Criminal Policy. *Journal of Scandinavian Studies in Criminology and Crime Prevention*. Vol. 13. Is. sup1. P. 12–30.
- Thomas N., Bull M., Dioso-Villa R., Smith C. (2016) Governing Drug Use through Partnerships: Towards a Genealogy of Government/Non-Government Relations in Drug Policy. *International Journal of Drug Policy*. Vol. 28. P. 34–42. DOI: [10.1016/j.drugpo.2015.11.002](https://doi.org/10.1016/j.drugpo.2015.11.002).
- Van der Meulen E., De Shalit A., Ka Hon Chu S. (2018) A Legacy of Harm: Punitive Drug Policies and Women’s Carceral Experiences in Canada. *Women & Criminal Justice*. Vol. 28. Is. 2. P. 81–99. DOI: <https://doi.org/10.1080/08974454.2017.1307160>.
- Wahler E.A. (2015) Retribution or Rehabilitation? Conflicting Goals of US Policies Pertaining to Drug Felonies and Their Impact on Women. *Journal of Women, Politics & Policy*. Vol. 36. Is. 1. P. 95–106. DOI: <https://doi.org/10.1080/1554477X.2015.985155>.
- Zazulin G.V. (2013) *Antinarkoticheskaya politika v Rossii: Problemy stanovleniya (2000–2013 gg.)* [Drug policy in Russia: problems of formation (2000–2013)]. Saint Petersburg: «Yuridicheskiy Center — Press».
- Zotova S.I., Kutashov V.A., Shulga A.S. (2016) Social Consequences and Criminogenicity in Drug Addiction. *Zental’nyi nauchnyi vestnik*. Vol. 1. No. 16. P. 18–19.

Received: 03.05.2020